

И книжному искусству вразумил...

Посвящается Сергею Зеноновичу Луцику

Как начиналось приобщение, любовь к старой книге? Пожалуй, с маленького серого чемоданчика. Такие чемоданчики были очень популярны в конце пятидесятых — начале шестидесятых. Они заменили портфели — кейсов и кофров тогда у нас еще не знали. В них носили книги, конспекты, ездили в короткие командировки. Это были уменьшенные копии больших "фибровых" чемоданов, неоднократно упомянутых в литературе, начиная с двадцатых годов. И непременно невыразительного коричневого цвета.

А этот был серенький, в мельчайшую черную точку. Поэтому казался по тем временам очень элегантным.

Я уже месяц училась в Ленинградском университете. Однажды позвонил Женя Голубовский и попросил зайти в дом номер такой-то на Васильевском острове за оказией, за серым чемоданчиком. Письмо с разъяснениями — там же.

Я отправилась на одну из последних линий Васильевского острова, ближе к Гавани, нашла номер дома и оказалась в маленькой комнате коммунальной квартиры. Меня встретил ее хозяин Саша Олейников и его спутница Лана, которая и привезла из Одессы этот чемоданчик. К моему удивлению, они смотрели на меня с каким-то непонятым интересом и взахлеб начали говорить о содержимом чемоданчика!

Оказалось, что Женя Голубовский очень хочет приехать в Ленинград, но денег, естественно, нет, и он решил на совершенно безумный жертвенный поступок — продать в Питере несколько книг (это и было содержимое чемоданчика!) из своей уникальной библиотеки. Он бросился искать оказию, и его (а позже и моя!) добрая приятельница Нонна Манн сказала, что возвращается в Питер подруга Саши Олейникова. Уже позже я узнала, что Саша Олейников был сыном одного из оберутов — Николая Олейникова, а с Сашей и его матерью Ларисой Александровной, вдовой погибшего в застенках НКВД поэта, жившей в Одессе, Нонна дружила до последнего ее часа. Женя тоже был знаком с Олейниковым-младшим, поэтому, не колеблясь, вручил свое сокровище в надежные руки, попросив Сашу посмотреть книги и посоветовать, в какой букинистический магазин лучше их отнести.

Стал понятен их интерес к моей скромной особе, как-то повинной в этом страстном безрассудстве Голубовского — расстаться с такими книгами!

Посоветовавшись друг с другом, Саша с Ланой отправили меня на Литейный проспект к Алику Р., который, как позже, уже освоившись в Питере, я узнала, был такой же знаменитой личностью среди книжников, как замечательная бессменная Люся в отделе поэзии Дома книги на Невском.

Вот я и отправилась с серым чемоданчиком на Литейный проспект.

Должна признаться, что до этого случая в букинистические магазины я заглядывала редко. Иногда заходила в одесский букин на Преображенской, потом там долго был магазин книг из стран Варшавского договора, радовалась, когда покупала там книги, не старые, но подержанные. Так радовалась двухтомнику А. Куприна или первому тому стихов Блока из двухтомника! Многотомные собрания сочинений были еще впереди.

Естественно, я рассматривала лежавшие под стеклом раритетные книги с пугающими ценами, но ни разу не решилась попросить какую-нибудь из них в руки. Денег таких у меня не было.

Кроме того, признаюсь, что читавшая запоем с самого раннего детства, в те юные годы я была полным профаном в искусстве книги, тем более букинистической. Естественно, старые книги у нас дома — "Робинзон Крузо" или "История одного ребенка" А. Дюде с пожелтевшей бумагой, твердыми переплетами, золотыми обрезами, с гравюрами — завораживали, но все же главным для меня оставался текст, пусть в мягкой обложке, напечатанный хоть на газетной бумаге.

Конечно, я перебрала все книги в чемоданчике, некоторые имена мне были знакомы, какие-то я прочла впервые. Это были прижизненные томики стихов поэтов Серебряного века и несколько книг по искусству того же времени. Не помню, но, думаю, что какие-то приблизительные цены для меня, неразумной, были указаны рукой владельца.

Словом, я явилась в знаменитый букин на Литейном, прошлась по его витринам — с астрономическими ценами — и шагнула к прилавку, смущенно попросив общения с Аликом Р.

На меня посмотрели недоверчиво, но мэтра позвали. Я робко пролепетала, что хотела бы предложить старые книги. Чемоданчик был открыт, и я увидела, что у букиниста задрожали руки. Ему принесли не один какой-то сборничек, а стопку превосходных редких книг! Он их перебирал, поглаживал, спрашивал, есть ли что-то еще, даже называл какие-то книги. Я постепенно обрела уверенность в разговоре с ним.

Наконец подошли к деликатному вопросу — оценке книг. И тут, как говорили когда-то в Одессе, "жадность фраера сгубила!".

Алик Р. взял в руки книгу, оказавшуюся сверху, монографию о двух художниках начала XX века с их литографиями и автографом одного из художников, посмотрел на меня и по-царски сказал: "Двадцать пять рублей!". Я вмиг повзрослела, стала библиофилом, Цербером библиотеки Голубовского! Как мне хватило выдержки и актерства спокойно забрать книгу из его рук, сложить все в серый в маленькую черную точку чемоданчик, церемонно произнести: "Благодарю!" — и выйти на продутый ветрами с Невы Литейный?! "Куда же Вы?!" — несло мне вслед. Я даже не оглянулась. Это был 1960 год. До хрущевской денежной реформы, превратившей двадцать пять рублей в два рубля пятьдесят копеек, оставалось три месяца...

Уже позже, когда у мужа появлялось желание приобрести какой-нибудь книжный раритет, а денег не было, он тоскливо подходил к книжным полкам, выбирая, что бы отнести в букин. Но тут я становилась цербером у полок, напоминая, кто спас содержимое серого чемоданчика...

Прошло несколько лет, и сохранившемуся серому чемоданчику пришлось еще раз нам послужить. Недавно, проведив в Москву гостившего у нас Юлика Златкиса, я вспомнила о сером чемоданчике. Возвращаясь с вокзала, мы прошли вдоль книжных развалов на Куликовом поле. Я с тоской смотрела на невостребованные книги и вспоминала, как в прежние годы мы гонялись за этой и той, какой радостью была их счастливая покупка, а вот эти мы читали на машинописных страничках самиздата. Сколько людей поплатилось лишениями, преследованиями, поломанными судьбами за эти книги! Как однажды, когда тучи сгустились над нашими головами, пришел Юлик и самоотверженно вынес из нашего дома тот серый чемоданчик, наполненный самиздатом, в более спокойное, чем наш дом, укромное место. Мы и помыслить не могли, что будут лежать на развалах книги, которые мы с таким трудом, подчас риском добывали — хотя бы на одну ночь, — а мимо них будут равнодушно проходить их "нечитатели"...

Вспомнилось, как на даче я прятала в выкопанную ямку укутанного в полиэтилен Набокова, его "Приглашение на казнь" в самиздатовском фотографическом варианте, чтобы книга не попала в чужие злые руки. Как будто можно было что-то утаить от "их всевидящего глаза, от их всеслышающих ушей". Но все же как-то удавалось! Сейчас это кажется абсурдом, нелепостью, но так мы жили...

Во время приезда на каникулы, а потом после окончания университета и возвращения в Одессу началась новая жизнь среди старых книг. Не только книг, собранных моим мужем, но и книг наших многочисленных друзей, книг в одесском букинистическом магазине, который к тому времени перекочевал уже на Греческую площадь, и две его хранильницы — Валентина Ивановна Меленчук и Ирина Михайловна Дробачевская — стали неизменными участницами нашей жизни.

Нет, конечно, жизнь с книгой началась в раннем детстве, продолжалась в юности, до Жени Голубовского.

Многое из того, что будет мною прочитано позже, сначала было услышано.

Однажды в Гипрограде, где я работала до поступления в Ленинградский университет, войдя в одну из комнат, я увидела сгрудившихся над чьим-то столом архитекторов и услышала взрывы смеха. Я подошла ближе, и до меня донеслась фраза: "Я поставлю вам, Эйхбаум, памятник из розового мрамора!". Новый взрыв смеха! Я присмотрелась и прислушалась. Чтение продолжалось: "Я сделаю вас старостой Бродской синагоги. Я брошу специальность, Эйхбаум, и поступлю в ваше дело компаньоном. У нас будет двести коров, Эйхбаум. Я убью всех молочников, кроме вас".

Так я впервые услышала эти строки и это имя — Исаак Бабель. Не знаю, кто был счастливым обладателем только что вышедшего первого сборника писателя, погибшего в застенках НКВД семнадцать лет назад, но и это имя, и эти строки, и счастливые лица слушателей — они все были старше меня и читали Бабеля еще при его жизни, и радовались его возвращению из крошечной насильственной тьмы забвения, — запомнила навсегда.

Теперь, проходя по Преображенской мимо современных витрин магазина "Фокстрот", я вспоминаю, как когда-то на этом месте за старым окном Гипрограда я впервые услышала — *Бабель!*

Думаю, не только я, но и многие мои сверстники впервые не прочитали, а услышали стихи Лорки, Гильена, Жака Превера и многих других замечательных поэтов с эстрады — в исполнении Вячеслава Сомова. "Колоколам Кордовы зорька рада, в колокола звонкие бей, Гранада...", "...Зеленая длинная ящерица с глазами, как влажные камни...". "Как поймать птицу" — "Сперва нарисуйте клетку с настезь раскрытой дверцей, потом нарисуйте что-нибудь красивое и простое...". Зал филармонии всегда был полон. Это был театр одного актера — читавшего, напевавшего, пританцовывавшего на сцене. Помню, афиша — вновь концерт В. Сомова. В Одессе — тропический ливень! Зал филармонии почти пуст. Сомов выходит на

сцену и приглашает всех собравшихся пересесть из отдаленных мест в первый ряд. Кажется, так заполнены были первые два ряда. В благодарность своим — не испугавшимся ливня! — слушателям Сомов читал особенно вдохновенно. И долго! Пока не окончился ливень. Голубовский тоже помнит этот сомовский вечер с ливнем, возможно, мы даже сидели тогда поблизости, но еще не знали друг друга.

Как-то в Ленинграде увидела знакомую афишу. Пошла. Впечатление было совсем иным, чем в Одессе. Больше "на Сомова" я не ходила...

После возвращения в Одессу, после ленинградских библиотек, я оказалась среди книжных сокровищ, к которым легко было протянуть руку либо взять на вечер, на несколько дней в домашних собраниях друзей. Книжные шкафы, длинные ряды полок до самого потолка (очень высоко) на Кузнечной, огромная библиотека на Успенской в доме Добролюбских, книги на Уютной — у Сергея Зеноновича Лущика — и собрания книг у многих других друзей, чьи сокровища всегда были приветливо тебе открыты, где невозможно было представить себе нелюбезное предупреждение: "Не шарь по полкам жадным взглядом, здесь книги не даются на дом!" — потому что самые редкие, самые ценные книги для работы, для чтения тебе предлагались тут же, без заминок и унижительных условий и предупреждений.

У каждого были свои предпочтения, кто старался собрать "всего Кузина" и "всего Эренбурга", начиная от его первых сборников стихов, как Олег Константинович Добролюбский; кто среди прочего собирал издания "Academia", кто имел все основания гордиться своей пушкинианой, как Валентина Ивановна Меленчук и Иван Михайлович Федорков, причем собиратели одной темы всегда помогали друг другу, — если в собрании уже была какая-нибудь редкость, то о появившейся на книжном горизонте такой же непременно сообщали собрату; кто собирал прижизненные сборники поэтов Серебряного века — от символистов до футуристов, кто редчайшие одесские альманахи начала двадцатого века и книжечки издательства "Омфалос", кто, как Миля Шаргородский, — наполеониану...

Букинистический магазин в полукруглом доме на Греческой стал пристанищем, очагом, к которому тянуло многих. И нас в их числе, посмотреть, что нового из старых книг появилось, встретить знакомых, поделиться новыми книжными радостями, встретить радушие "дам из букина", как в библиофильской среде с любовной иронией называли Валентину Ивановну Меленчук и Ирину Михайловну Дробачевскую. Обе пре-

красно знали книгу, знали вкусы и пристрастия своих постоянных посетителей, и редкие книги не попадали в случайные руки, откладывались для настоящих ценителей и собирателей. Причем эти раритеты чаще всего оставались именно в одесских коллекциях, а не уезжали в другие города, — Валентина Ивановна и Ирина Михайловна, кажется, знали в лицо всех "варягов", перекупщиков, приезжавших из столиц за добычей и уезжавших не солоно хлебавши. Так, пусть по крохам, но сохранялось одесское культурное пространство.

Кого только не встретишь в гостеприимном букине — известных библиофилов и молодых неопитов, только начинающих собирать старые книги. Дети одесских библиофилов, и среди них наша Анечка с младенческого возраста, тоже были постоянными посетителями этого теплого радужного дома старой книги на Греческой площади. Сколько замечательных детских книг, купленных в букине, прочитанных многократно в детстве Анечкой, теперь перешли по наследству к Сонечке!

Старые книги попадали в нашу библиотеку не только из букина.

В те годы были в Одессе книжные "коробейники", разносившие книги по знакомым домам. Среди них выделялся человек, возраст которого определить было невозможно, звали его неизменно — Шурочка! Внешне он напоминал Акакия Акакиевича Башмачкина, только в еврейском варианте. Он бочком входил в дверь, никогда не присаживался, говорил тихим голосом, лишенным интонаций, бережно доставал из мешочка (!) книги. Никогда там не было каких-то раритетов, но хорошие старые книги Шурочка носил в своем мешке. И в отличие от других разносчиков, книги не продавал, а давал почитать. У него была тетрадь, куда записывалось, какая книга, кому, на сколько дней выдана, у него была своя такса. Такая "ходячая" библиотека. Эта тетрадь для Шурочки была самой большой ценностью. Всю жизнь он ее совершенствовал, эту тетрадь-каталог, куда только по ему одному понятной системе были внесены все книги, которые он хранил и которые давал читать. Мы и наши друзья всегда что-нибудь у Шурочки брали, чтобы его поддержать. Кажется, это был его единственный заработок, к тому же, помнится, на попечении Шурочки была большая сестра...

Иногда же книги приходили самым невероятным образом.

Однажды Жене позвонила какая-то дама и назвала адрес человека, который продает старую книгу И. Бунина. Нужно ли говорить, что Голубовский помчался на далекую одесскую окраину!

Открыл ему дверь человек с помятым лицом и сразу же спросил: "Принес?!". В жажде хотя бы увидеть, не то что получить в руки книгу,

не обращая внимания на фамильярное "принес", уверенный, что владелец книги имеет в виду деньги (хоть было непонятно, сколько он запросит), Женя ответил утвердительно — принес!

— Где же она?!

— Кто?! Что?!

— Как что? Бутылка! Водки! Иди купи!

И обескураженный Голубовский помчался за водкой. Только получив испепеляюще желанную бутылку, человек дал книгу.

Это было парижское издание 1935 года "Жизни Арсеньева". Только трясаясь в набитом автобусе по дороге домой, Женя увидел на титульном листе автограф нобелевского лауреата...

Ни копейки больше хозяин книги не взял и путано рассказал ее историю. В дом, где жила его мать, в послевоенные годы поселили даму, вернувшуюся на родину из Франции. Поняв, куда она вернулась, дама остаток лет прожила, почти не общаясь ни с кем из соседей, не открыв привезенные с собой чемоданы и сундук. После ее смерти соседи разобрали их содержимое, а "моей нерасторопной (он сказал грубее) матери досталась только эта книжка!".

Женя долго испытывал неловкость из-за того, что книжка так дешево ему досталась. Когда мне надоел этот "миллион терзаний", я сказала: "Слава Богу, что она сохранилась у тебя! Он ее мог даже не за бутылку водки, а за шкалик отдать какой-нибудь тетке, и она бы вырывала страницы одну за другой на кулечки, в которых бы продавала семечки или рачки. А может, селедку!".

Естественно, что постоянные покупатели, завсегдатаи букина, были неизменными посетителями, активными участниками и заинтересованными слушателями многочисленных собраний секции книголюбов Дома ученых. Правда, и здесь наблюдалось "сообщение сосудов" — "Книголюбы" часто перетекали в "Одессику" и наоборот.

Два вечера по вторникам был сакральными. Если я почему-то оставалась дома, а по телефону разыскивали моего мужа, я отвечала: "Он на "Книголюбах"!". "Ах, да, сегодня же вторник!" — спохватывались на другом конце провода.

Недавно вышла замечательная книга Сергея Зеноновича Лущика, в которой с безупречной точностью и пунктуальностью написана вся история секции книголюбов при одесском Доме ученых. Можно ли что-то еще к ней добавить? Вряд ли. Разве что какие-то штрихи ее — секции — "неофициальной" истории.

Мы, слушатели, а не докладчики (кажется, из наших друзей — не членов секции — только Ксана Добролюбская однажды выступила перед высоким собранием с докладом о новинках французской литературы), были тогда молоды, смешливы, ироничны. Был грех — мы обменивались друг с другом ироническими замечаниями по поводу поздравительных посланий, которые ко всем праздникам рассылал первый председатель секции Исаак Львович Дайлис. Немолодой человек, он старательно вырезал из журналов картинки, наклеивал их на плотную бумагу и надписывал мелким почерком самые добрые пожелания. Нам это казалось стариковским чудачеством, мы читали друг другу эти пожелания — все были совершенно индивидуальны, нам они казались смешными. По непростительной молодости мы не понимали, что для пожилого профессора это была попытка скрасить свое одиночество...

Зеленая гостиная Дома ученых часто не вмещала всех желающих вкушать от этих библиофильских пиршеств. Пожилые и молодые, собиратели и просто читатели занимали все кресла, стояли в проходе между креслами и высокими окнами бывшего особняка графа Михаила Дмитриевича Толстого, знаменитого библиофила дореволюционной Одессы.

Сколько замечательных встреч с приезжими гостями — коллекционерами, литературоведами, писателями — прошло в Зеленой (иногда в Ореховой) гостиной! Сколько незабываемых вечеров с интересными докладами одесских библиофилов! Пожалуй, среди самых увлекательных были завершающие год собрания книголюбов — "Находка года" — самая интересная книга, приобретенная в уходящем году. Сколько волнений дома накануне, что именно выбрать, какую книгу, сколько волнений в зале — что покажет, чем похвастает собрат-библиофил. Это не была ярмарка книжного тщеславия — это была искренняя, ни с чем не сравнимая любовь к Книге!

И смешные эпизоды переплетались с высокими книжными материями.

...Натан Маркович Спектор на очередном заседании рассказывает о рижском довоенном (то есть еще в буржуазной Латвии) издании двухтомника мемуаров Казановы. Зал полон! Мы же весело наблюдаем, с каким почти детским интересом слушает Натана Марковича, задает вопросы Олег Константинович Добролюбский, продолживший пополнение библиотеки своего отца, историка, профессора Константина Павловича.

Библиотека Добролюбских была не только огромна, славилась и раритетами, и тем, что, кажется, в ней можно было найти все — классиче-

ские бульварные романы начала двадцатого века или такие легендарные книги, как "Любовник леди Чаттерлей" Д. Лоуренса того же рижского довоенного издания — чуть ли не первый скандальный откровенно эротический роман прошлого столетия. Много лет спустя мы познакомились с Татьяной Ивановной Сухомлиной-Лещенко, известной переводчицей Ж. Сименона и У. Коллинза. Еще живя в эмиграции, она перевела роман Д. Лоуренса на русский язык. Татьяна Ивановна не скрывала изумления — кто-то помнил и читал в ее давнем переводе роман о судьбе Констанции Чаттерлей.

Мы зачитывались "Иллюстрированной историй нравов" Э. Фукса и вышедшими в начале тридцатых годов романами Олдоса Хаксли "Контрапункт" и "Шутовской хоровод", томиками Анри де Ренье... Сколько редких прекрасных книг было прочитано из этой библиотеки! Именно в библиотеке Добролюбских мы впервые прочли и двухтомник Казановы. Сам владелец даже не всегда помнил все сокровища, которыми обладал, — так огромна была эта библиотека.

Нужно ли говорить, что эта любовь к книге, к редкой старой книге, сблизжала людей, разных по возрасту, профессиям, достатку, а часто перерастала в многолетнюю драгоценную дружбу.

Общение не ограничивалось только Домом ученых или букином. Позвать к себе или с нетерпением пойти к друзьям, чтобы посмотреть, поддержать в руках, с трепетом листать страницы какого-нибудь приобретенного раритета, рассматривать сохранившийся экслибрис бывшего владельца, читать дарственные посвящения, — это были блаженные минуты библиофильского счастья!

А эпопея, связанная с искусством переплетчика, которое освоил Иван Михайлович Федорков! Светлый человек! К Ивану Михайловичу относились с любовью все — мне даже трудно себе представить, что у Ивана Михайловича могли быть недоброжелатели. А через много лет к нему пришли грабители — убийцы...

Иван Михайлович Федорков, полковник медицинской службы, собирал русскую живопись и графику. И книги.

Однажды Иван Михайлович приобрел маленький переплетный станочек, начал спасать свои старые книги, потом вошел во вкус и, будучи человеком щедрым и радушным, начал предлагать друзьям-книголюбам свою помощь — собирать под переплетом страницы рассыпавшихся поэтических сборников, старых альманахов, редких журналов...

Мы ходили к Ивану Михайловичу любоваться его заново "приодетыми" книжками, переплетным станочком. Но я еще не подозревала, как это скажется на мне.

Прошло какое-то время, и вдруг мой муж, заводя разговор издалека, начинал меня убеждать, что "Эта блузка (одна, другая, следующая), моему, тебе не идет!" — "Как это не идет?! Это моя любимая блузка!" — "Нет, она тебе явно не идет к лицу!" — "Мои элегантные блузки из Милана, подарки от моей Эвелины, мне не идут?!". Убедившись, что обида на "не идут!" слишком велика, муж начинал заходить с другого конца. "Бедный Георгий Слиозберг! Если бы он знал, что у меня такая жадная жена!" — "Какой еще Слиозберг?!" — "Как это, какой Слиозберг?! Посмотри на его "Тоску сазандари", Кусикову, между прочим, посвященную, — вся рассыпается! Тебе не стыдно, тебе не жалко Слиозберга?!".

Так не только "Тоска сазандари" Георгия Слиозберга, но и многие другие поэтические сборники вместе с моими блузками, цветастыми юбками, с рубашками мужа "в клеточку" и "в полосочку" отправлялись к Ивану Михайловичу, одевались в любовно сделанные им переплеты. Что-то из нашего гардероба дарилось самому Ивану Михайловичу для переплетов его книг. И в этот раз не обошлось без взаимовыручки книголюбов, вернее, их жен, отдававших мне какие-то текстильные сокровища — на переплеты!

Так и стоят на полках среди старых книг и те, что своими обложками напоминают не только о некогда любимых блузках, но, конечно, прежде всего, об Иване Михайловиче... Светлая ему память!

Общение со старыми книгами и книголюбам не ограничивалось только Одессой. Куда бы мы ни ехали, Женя всегда находил родственные души книголюбов. Одно из самых ярких питерских воспоминаний — любезное приглашение в гости от Моисея Семеновича Лесмана. "Открывайте шкафы, прошу вас, смотрите!" — широким жестом хозяин уникальных книжных сокровищ открывает нам путь к своим владениям. Я подхожу к одному из книжных шкафов, наугад беру с полки книгу, открываю ее и на пожелтевшем титульном листе (кажется, это был учебник русской грамматики) читаю надпись детским почерком, сделанную почти два столетия назад, — "Из книг Миши Лермонтова". Сердце замерло.

Какой полной и счастливой была жизнь среди книг, среди собирателей, среди подлинных знатоков и ценителей старой книги в нашем городе!

И как мало их осталось...

Р. С. Много лет я старалась вспомнить автора и название книги, прочитанной очень давно, и все пыталась мужа совершенно бессмысленными вопросами: "Как же называлась эта книга, которую мы брали у Ксаночки, — там была какая-то яркая обложка, по моему, оранжевый жираф. Ничего не могу вспомнить, помню только, что мы очень смеялись, читая ее". Я даже показывала на пальцах квадратный формат книги. Естественно, на такой вопрос ответить невозможно. Недавно я опять вспомнила эту книгу и говорю: "Там было какое-то странное название — слово через черточку, а может, через две-три?". "Не помню", — отвечает муж.

Далась мне эта книжка! Помню, что читала ее жарким летом, таким же раскаленным, как тот оранжевый жираф... Прошло еще какое-то время. Вдруг Евгений Михайлович за завтраком произносит: "Франс Элленс. "Басс-Бассина-Булу". Это был перевод Эренбурга".

Я обомлела и восхитилась одновременно — вот это память книжника!

